

ПЕСЕННАЯ ТРАДИЦИЯ АЛТАЙЦЕВ И КАЗАХОВ**Иманбаева Куралай Болатовна**imanbayevakb@gmail.com

Студентка 4-курса ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Р.К. Каликов

Песенная культура алтайского народа своими истоками уходит в глубокую древность. Она тесно связана с трудовой деятельностью, бытом, мировоззрением народа, его историей. Специфической особенностью песенного жанра алтайцев является то, что каждый род, каждое племя имели свои песни и соответственно свою своеобразную мелодическую окраску этих песен.

В настоящее время работа по собиранию и научному изучению алтайских народных песен продолжается. В этой работе активное участие принимают местные ученые, композиторы, музыковеды, учителя и студенты. Композиторами написана музыка ко многим народным песням. Совместная работа творческой интеллигенции и ученых оказывает положительное воздействие на развитие песенно-музыкальной культуры алтайского народа. Актуальность изучения песенных традиций тюрков Южной Сибири, в частности, Горного Алтая обусловлена несколькими факторами. Песенные традиции занимают доминирующее положение во многих культурах, в том числе алтайской, являясь наиболее массовой сферой творчества; в эту сферу вовлечено наибольшее число этнофоров, поскольку, как правило, исполнение песен не требует специальных профессиональных навыков: спеть одно-два четверостишия способен практически каждый. Песни имели высокий статус в традиционной культуре алтайцев, а в настоящее время это наиболее активная и развивающаяся из жанровых традиций алтайского музыкального фольклора. Таким образом, изучение песенной культуры дает возможность, не прибегая к реконструкциям, установить существенные закономерности организации интонационной культуры в синхронном аспекте. Вместе с тем, нельзя не осознавать, что песенная традиция - одна из наиболее открытых к проникновению различных культурных влияний сфер народного творчества. В силу этого в ней быстрее накапливаются изменения, приводящие к системным сдвигам и даже полной перестройке системы. Динамизм современной ситуации выводит это свойство песенной традиции на первый план и одновременно делает еще более актуальной задачу ее фиксации и изучения [1, 27].

Прежде чем приступить к рассмотрению алтайских песенных традиций, важно провести уточнение объекта исследования, яснее очертить его контуры и границы. Первое уточнение касается качественной характеристики объекта и обусловлено некоторыми особенностями развития отечественной фольклористики, методологические основы которой во многом определены ее восточно-славянской ориентацией. Накопив за несколько столетий огромный фактологический и теоретический материал, она не избежала некоторого "славяноцентристского" уклона. Данная особенность отразилась в тенденции рассматривать богатейшие национальные традиции народов Советского Союза с позиций, сложившихся в славянской фольклористике. При этом нередко возникало, прямое калькирование терминологии, навязывание чужеродных жанровых систем, несвойственных изучаемой культуре, неоправданное отождествление разнотнческих явлений лишь по их внешней схожести, что приводило к неадекватности языка описания, неопределенности и противоречивости понятийного аппарата. О подобных европеоцентристских и литературоцентристских установках по отношению к сибирскому фольклору пишет Е.С.Новик, много размышляет об этом и Э.Е.Алексеев.

Применительно к термину "песня" данная проблема была осмыслена и со всей полнотой поставлена И.И.Земцовским. Он пишет, что "песня" как научный термин является одним "из самых расхожих, общепризнанных и обиходных понятий, кажущихся элементарно

ясными и для всех само собой разумеющимся". Однако, если сравнить представленные в словарях и энциклопедиях определения песни (в том числе народной) с реальными разнонациональными феноменами, обозначаемыми данным термином, то окажется, что под одним термином "песня" мы, фольклористы, неправомерно объединяем совершенно различные вокально-художественные феномены", сущностные характеристики которых подчас взаимоисключают друг друга.

Не менее сложная ситуация возникает на уровне жанрового определения собственно песенных традиций. Если в одних культурах мы можем с легкостью "расчленить" музыкальное пространство песенной традиции на жанры или жанровые группы в соответствии с "тремя китами" - напевом, текстом и функцией (далее НТФ), -то в других это сделать трудно, ибо возникает проблема непараллельного жанрового деления на различных уровнях. Внутреннее устройство песенных культур может быть настолько различным, что они кажутся принципиально неопиываемыми в одних и тех же категориях. Эта особенность было замечена еще Б.Бартоком, который, изучая и сравнивая музыкальный фольклор венгров и румын, обнаружил существенные отличия в организации их песенных традиций. Для венгерской народной музыки характерно разнообразие напевов, весь набор которых можно записать практически в любой точке венгерской лингвистической территории. У румын же, напротив, в одном месте можно записать лишь небольшое число напевов, и те уж очень схожи. Зато на другой диалектной территории румын музыкальный материал совершенно новый, неизвестный предыдущей территории.

Вероятно, между устройством и культурной функцией песенных традиций, а также внутрикультурным осознанием понятий "песня", "песенное", "петь" существуют системные связи, которые отличаются значительной вариативностью, а подчас и противоположностью в разных культурах. Осознание данного факта приводит к мысли, что для успешного изучения песенных традиций необходим не предвзятый, то есть свободный от заранее сложившихся установок подход к изучаемому объекту. В качестве отправной точки следует принять положение о том, что существуют различные типы песенных традиций, соответствующие тому или иному типу культуры.

Специфика сибирских тюркских песенных традиций заключается в отсутствии прямого соответствия функционально-жанрового и музыкально-стилистического уровней организации. В подавляющем большинстве из них мелодическое деление, сопряженное с категорией "напев", отнюдь не дублирует функционально-жанровое. В наиболее показательных случаях мелодический фонд песенной традиции исчерпывается практически одним напевом. Вряд ли эта особенность является показателем ограниченности или бедности. По всей видимости, она свидетельствует об особой роли, выполняемой напевом в таких культурах. Напев в данном случае как бы выпадает из триады НТФ, работая не на жанровое, а на иное, важное для культуры противопоставление. В связи с этим представляется необходимым каким-то образом определить подобный -довольно распространенный - тип организации песенной традиции. В данной работе в этом качестве используется термин песенная поэзия, понимаемый как "поэзия в песенной форме" со свободной взаимосвязью напева и вербального текста, а также напева и функции. Подчеркнем, что музыкальный компонент, присутствующий в таком определении, существенно расширяет обычное истолкования этого словосочетания как совокупности поющих вербальных текстов.

Итак, песенно-поэтические импровизации алтайцев - это наиболее распространенный и сохранившийся до сих пор вид народного творчества, отличающийся разнообразным содержанием, жанрами и функциями и едиными принципами структурной организации текста. Песенно-поэтические импровизации выражаются обязательно в строфической форме в соответствии с традиционными правилами стихосложения и мелодико-ритмической организации напева[2, 83]. Вместе с тем для удобства и краткости в работе используются также термины "песня", "песни", но только в тех случаях, когда это не может привести к двусмысленности.

Материалом исследования песенной поэзии алтайцев послужили 32 коллекции фонограмм алтайского фольклора, собранные сотрудниками Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ, ныне - Институт гуманитарных исследований Республики Алтай, далее ИГИРА) и Новосибирской государственной консерватории им.М.И.Глинки (далее НГК) в ходе музыкально-этнографических, филологических и комплексных экспедиций. Эти материалы хранятся в архиве ИГИРА и Архиве традиционной музыки. В основном, работа по собиранию данной коллекции, насчитывающей более трех тысяч фоноединиц, проводилась с 1984 по 1992 годы в рамках хоздоговора между ИГИРА и НГК и на другой основе продолжается до сих пор. Некоторые материалы были записаны еще в 60-е годы. Кроме того, по мере необходимости привлекаются другие архивные и опубликованные источники.

Образцы песенной поэзии занимают значительное место в алтайской коллекции - всего их около 1300 фоноединиц. Основную часть материала (около 90%) составляют поэтические импровизации на традиционные напевы; содержание текстов может быть злободневным вплоть до сиюминутного экспромта, что не противоречит традиции. В оставшуюся часть (около 10%) входят различные ассимилянты (в основном, частушечные) и мелодии репертуара художественной самодеятельности (в работе они не рассматриваются). В целом материал охватывает достаточно полно основные этнокультурные группы алтайцев.

Весь массив песенной поэзии в той или иной степени привлекался к анализу, значительная часть образцов была нотирована, однако в качестве примеров, иллюстрирующих положения данной работы, отобран лишь 91 образец. Выбор данных образцов обусловлен несколькими критериями. Основная часть примеров представляет собой наиболее типичные и повторяющиеся во множестве вариантов напевы, показательные с точки зрения системы в целом [3, 321]. В то же время примеры подбирались таким образом, чтобы как можно полнее проиллюстрировать основные свойства и различные стороны рассматриваемых песенных традиций. В связи с этим следует отметить, что выявленные закономерности на всем объеме материала имеют гораздо более высокое статистическое подтверждение, нежели на том корпусе образцов, которые приведены в работе. В тех случаях, когда имела место объективная недостаточность материала (например, телёского или по отдельным жанровым группам северных алтайцев), но его подлинность и, по сути, уникальность не вызывала сомнений, он вводился в работу [4, 124]. Во всех остальных случаях единичные версии из анализа исключались. В целом можно констатировать, что объем и качество имеющегося материала позволяет ставить и решать широкий спектр научных и практических задач.

Список использованных источников

1. Ахметова М.М. Традиции казахской песенной культуры. Алма-Ата, Наука, 1984. -128 с.
2. Ерзакович Б.Г. У истоков казахского музыкознания А., 1982. - 310 с.
3. Каратаев М. Соловьи столетий. Алма-Ата, «Жазушы», 1967. - 412 с.
4. Науменко Т.В. Песни народов России. М., 2017. - 427 с.